

В.А. Зайцев

Александр Трифонович Твардовский Военная и послевоенная лирика

<...>

В годы войны Твардовским были написаны такие шедевры лирики, как «Две строчки» (1943), «Война — жесточе нету слова...» (1944), «В поле, ручьями изрытом...» (1945), «Перед войной, как будто в знак беды...» (1945) и др., которые впервые были опубликованы в январском номере журнала «Знамя» за 1946 год. Как точно заметил в связи с этой публикацией критик А. Макаров: «Облик войны предстает в них более сложным и суровым, мы бы сказали, более реалистическим, а сам поэт раскрывает перед читателем новые стороны своей гуманной души».

В этих стихах глубоко проникновенно и с большой впечатляющей силой обнажается трагическое лицо войны. Такова небольшая на первый взгляд стихотворная зарисовка «Две строчки», пронизанная горькими воспоминаниями о предшествовавшей Великой Отечественной войне непродолжительной, но обернувшейся немалыми бессмысленными жертвами финской зимней кампании 1940 года:

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

И здесь это воспоминание, описание, почти дневниковая запись обрывается много-точием. А после невольной паузы переходит в глубоко лирическое размышление, острое переживание, вызванное двумя полустертыми строчками в записной книжке сорокового года:

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забытый, маленький, лежу.

Эти вроде бы простые и непритязательные стихи отмечены глубиной исповедальности, личного авторского чувства и самораскрытия. И вместе с тем они исполнены пронзительной боли за каждую так слепо и беспощадно оборванную человеческую жизнь. Жестокая память о войне и предвоенных испытаниях несет в лирике Твардовского мощный заряд трагического гуманизма. Это качество отчетливо проявилось в одном из лучших стихотворений цикла «Стихи из записной книжки» (1941–1945):

Перед войной, как будто в знак беды,
Чтоб легче не была, явившись в новости,
Морозами несслыханной суровости
Пожгло и уничтожило сады.

На первый взгляд речь идет прежде всего о природе. Причем сразу впечатляет сила изобразительности («...Торчащие по-зимнему, по-черному // Деревья, что не ожили весной»), личностный характер переживания («И тяжело было сердцу удрученному...»). Важно, однако, подчеркнуть глубину и силу художественного обобщения, философско-поэтической концепции, когда за непосредственно изображаемым и переживаемым встает нечто большее. На это наталкивают весь ход развития мысли-переживания и конечно же заключительная строфа, а также особо выделенная последняя строка стихотворения:

Прошли года. Деревья умерщвленные
С нежданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали, зеленые...
Прошла война. А ты все плачешь, мать.

На протяжении всего стихотворения разворачиваются непростые ассоциативные связи социально-исторических и природных явлений. За погибшими деревьями видятся иные жертвы — военные, и не только...

Они, деревья, не просто вымерзли: их «пожгло и уничтожило» (второе слово появилось только в издании 1954 года), их — а ведь они «избранные, лучшие» — постиг «гибельный удар», деревья были «умерщвлены», и это было «перед войной», о чем говорится в начале стихотворения, и это — «знак беды». Трагические ассоциации и контраст сфокусированы в последней строфе, где противопоставлен вечное обновление природы и невозможность людских потерь — все, чего лишилась родина-мать.

Творчество Твардовского первых послевоенных лет пронизано тем особым чувством, состоянием души, которое поэт в одном из стихотворений назвал «жестокой памятью». Подвиг народа, простого солдата раскрывается с особым драматизмом и силой личностного сопереживания, ощущения себя на месте каждого из павших.

«Стихи эти, — отмечал сам автор, — продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбывное чувство как бы себя в них, а их в себе, — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство».

Эти слова сказаны Твардовским по поводу стихотворения «Я убит подо Ржевом» (1945–1946), написанного от первого лица:

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрывки.

Условная форма — монолог павшего воина — избрана поэтом не случайно:

«Форма первого лица в “Я убит подо Ржевом” показалась мне наиболее соответственной идее единства живых и павших “ради жизни на земле”».

Горький и жестокий мотив воспоминания о polegших на поле брани разрешается обновленным чувством безграничной любви к жизни, за которую погиб солдат:

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть...

Эти мотивы развиваются далее в стихотворениях «В тот день, когда окончилась война» (1948), «Сыну погибшего воина» (1949–1951), в трагическом и жизнеутверждающем цикле «Их памяти» (1949–1951).